

человека, спасение человека от власти необходимости, порождающей все ужасы жизни.

Это был человек необыкновенной доброты, отзывчивости и заботливости. Он очень страдал от злобы, охватившей мир. Ужасы, которые совершаются в Германии по отношению к народу, к которому он принадлежал по крови, вероятно, ускорили его смерть, чуткое сердце с трудом это могло вынести. Он был еврей по крови, но я не встречал среди русских такой любви к русской литературе и такого ее понимания. Он был глубоко связан с русской духовной культурой. Он был прекрасный русский писатель. Он говорил и писал на совершенном русском языке. Книги его переведены на многие иностранные языки и очень ценятся интеллектуальной элитой Европы. Но он всегда жаловался, что его плохо понимают. Это был духовно очень значительный человек, человек глубокой темы. Такие люди редко бывают. Он еще ждет своей оценки.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Основная идея философии Льва Шестова

Уже несколько раз на страницах «Пути» я писал о Льве Шестове. Но сейчас есть потребность по-иному сказать о нем и почтить его память. Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти. Он был однодум. И поразительна была его независимость от окружающих течений времени. Он искал Бога, искал освобождения человека от власти необходимости. И это было его личной проблемой. Философия его принадлежала к типу философии экзистенциальной, т. е. не объективировала процесс познания, не отрывала его от субъекта познания, связывала его с целостной судьбой человека. Экзистенциальная философия означает память об экзистенциальности философствующего субъекта, который вкладывает в свою философию экзистенциальный опыт. Этот тип философии предполагает, что тайна бытия постижима лишь в человеческом существовании. Для Льва Шестова человеческая трагедия, ужасы и страдания человеческой жизни, переживание безнадежности были источником философии. Не нужно преувеличивать новизны того, что сейчас называют экзистенциальной философией, благодаря некоторым течениям современной немецкой философии. Этот элемент был у всех подлинных и значительных философов. Спиноза философствовал геометрическим методом, и его философия может произво-

дить впечатление холодной объективной философии. Но философское познание было для него делом спасения, и его amor Dei intellectualis совсем не принадлежит к объективным научнообразным истинам. Кстати, очень интересно было отношение Л. Шестова к Спинозе. Спиноза был его врагом, с которым он всю жизнь боролся, как с соблазном. Спиноза — представитель человеческого разума, разрушитель откровения. И вместе с тем Л. Шестов очень любил Спинозу, постоянно его вспоминал, часто его цитировал. В последние годы у Л. Шестова произошла очень значительная встреча с Киркегардом. Он раньше никогда не читал его, знал лишь понаслышке, и не может быть и речи о влиянии на его мысль Киркегарда. Когда он прочел его, то был глубоко взволнован, потрясен близостью Киркегарда к основной теме его жизни. И он причислил Киркегарда к своим героям. Его героями были Ницше, Достоевский, Лютер, Паскаль и герои Библии — Авраам, Иов, Исаия. Как и у Киркегарда, тема философии Л. Шестова была религиозной, как и у Киркегарда, главным врагом его был Гегель. Он шел от Ницше к Библии. И он все более и более обращался к библейскому откровению. Конфликт библейского откровения и греческой философии стал основной темой его размышлений.

Л. Шестов подчинял основной теме своей жизни все, что он думал, что говорил и писал. Он мог смотреть на мир, производить оценки мысли других исключительно изнутри своей темы, он все к ней относил и делил мир по отношению к этой теме. Он был потрясен этой темой. Как ее формулировать? Он был потрясен властью необходимости над человеческой жизнью, которая порождает ужасы жизни. Его интересовали не грубые формы необходимости, а формы утонченные. Власть неотвратимой необходимости была идеализирована философами, как разум и мораль, как самоочевидные и общеобязательные истины. Необходимость порождена познанием. Л. Шестов целиком захватывается той мыслью, что грехопадение связано с познанием, с познанием добра и зла. Человек перестал питаться от древа жизни и начал питаться от древа познания. И Л. Шестов борется против власти познания, подчиняющего человека закону, во имя освобождения жизни. Это есть страстный порыв к раю, к вольной райской жизни. Но рай достигается через обострение конфликта, через дисгармонию и безнадежность. Л. Шестов, в сущности, совсем не против научного познания, не против разума в обыденной жизни. Не в этом была его проблема. Он против претензий науки и разума решать вопрос о Боге, об освобождении человека от трагического ужаса человеческой судьбы, когда разум и разумное познание хотят ограничить возможности. Бог есть прежде всего неограниченные возможности, это основное определение Бога. Бог не связан никакими необходимыми истинами. Человеческая личность есть жертва необходимых истин, закона, разума и морали, жертва универсального и общеобязательного.

Царству необходимости, царству разума противостоит Бог. Бог ничем не связан, ничему не подчинен, для Бога все возможно. Тут Л. Шестов ставит проблему, которая беспокоила еще схоластическую средневековую философию. Подчинен ли Бог разуму, истине и добру, или истина и добро есть лишь то, что полагает Бог? Первая точка зрения идет от Платона, на ней стоял Св. Фома Аквинат. Вторую точку зрения защищал Дунс Скот. Первая точка зрения связана с интеллектуализмом, вторая с волюнтаризмом. У Л. Шестова есть родство с Дунсом Скотом, но он ставит проблему гораздо радикальнее. Если есть Бог, то раскрыты все возможности, то истины разума перестают быть неотвратимы и ужасы жизни победимы. Тут мы прикасаемся к самому главному в шестовской теме. С этим связана та глубокая потрясенность, которая характеризует всю мысль Шестова. Может ли Бог сделать так, чтобы бывшее стало небывшим? Это наиболее непонятно для разума. Очень легко было неверно понять Л. Шестова. Отравленный Сократ может быть воскрешен, в это верят христиане, Киркегарду может быть возвращена невеста, Ницше может быть излечен от ужасной болезни. Л. Шестов совсем не это хочет сказать. Бог может сделать так, что Сократ не был отравлен, Киркегард не лишился невесты, Ницше не заболел ужасной болезнью. Возможна абсолютная победа над той необходимостью, которую разумное познание налагает на прошлое. Л. Шестова мучила неотвратимость прошлого, мучил ужас однажды бывшего.

Все с той же темой о необходимой принуждающей истине связано и противопоставление Иерусалима и Афин, противопоставление Авраама и Иова Сократу и Аристотелю. Когда разум, открытый греческой философией, пытались соединить с откровением, то происходило отступничество от веры, а это всегда делало богословие. Бог Авраама, Исаака и Иакова подменялся Богом богословов и философов. Филон был первым предателем. Бог был подчинен разуму, необходимым, общеобязательным истинам. Тогда Авраам, герой веры, погиб. Л. Шестов очень близок Лютеру, лютеровскому спасению одной верой. Освобождение человека не может прийти от него самого, а только от Бога. Бог — освободитель. Освобождает не разум, не мораль, не человеческая активность, а вера. Вера означает чудо для необходимых истин разума. Горы сдвигаются с места. Вера требует безумия. Это говорит уже апостол Павел. Вера утверждает конфликт, парадокс, как любил говорить Киркегард. Л. Шестов с большим радикализмом выразил подлинно существующую и вечную проблему. Парадоксальность мысли, ирония, к которой постоянно прибегал Л. Шестов в своей манере писать, мешали понимать его. Иногда его понимали как раз наоборот. Это случилось, например, с таким замечательным мыслителем, как Унамуно, который Л. Шестову очень сочувствовал¹.

Философская мысль Л. Шестова встречала огромное затруднение в своем выражении, и это породило много недоразумений. Трудность

была в невыразимости словами того, что мыслил Л. Шестов об основной теме своей жизни, невыразимости главного. Он чаще прибегал к отрицательной форме выражения, и это более ему удавалось. Ясно было, против чего он ведет борьбу. Положительная же форма выражения была более затруднена. Человеческий язык слишком рационализован, слишком приспособлен к мысли, порожденной уже грехопадением — познанием добра и зла. Мысль Л. Шестова, направленная против общеобязательности, невольно сама принимала форму общеобязательности. И это давало легкое оружие в руки критики. Мы тут стоим перед очень глубокой и малоисследованной проблемой сообщаемости творческой мысли другому. Сообщаемо ли самое первичное и самое последнее, или только вторичное и переходное? Эта проблема по-настоящему ставится экзистенциальной философией. Для нее это есть проблема перехода от «я» к «ты» в подлинном общении. Для философии, которая себя почитает рациональной, эта проблема не представляется беспокойной, вследствие допущения универсального разума. Один и тот же универсальный разум делает возможным адекватную передачу мысли и познания от одного к другому. Но в действительности, разум ступенен, разнокачественен и зависит от характера человеческого существования, от экзистенциального опыта. Воля определяет характер разума. Поэтому ставится вопрос о возможности передачи философской мысли не через рациональное понятие. Да и по-настоящему рациональные понятия не устанавливают сообщения от одного к другому. Л. Шестов прямо не интересовался этой проблемой и не писал о ней, он был весь поглощен отношением человека и Бога, а не отношением человека и человека. Но его философия очень остро ставит эту проблему, он сам становится проблемой философии. Противоречие его было в том, что он был философом, т. е. человеком мысли и познания, и познавал трагедию человеческого существования, отрицая познание. Он боролся против тирании разума, против власти познания, изгнавшего человека из рая, на территории самого познания, прибегая к орудиям самого разума. В этом трудность философии, которая хочет быть экзистенциальной. В обострении этой трудности я вижу заслугу Л. Шестова.

Л. Шестов боролся за личность, за индивидуально-неповторимое против власти общего. Главным врагом его был Гегель и гегелевский универсальный дух. В этом он родственен Киркегарду, родственен по теме Белинскому в его письмах к Боткину² и особенно Достоевскому. В этой борьбе правда Л. Шестова. В этой борьбе против власти общеобязательного он был так радикален, что верное и спасительное для одного он считал не верным и не обязательным для другого. Он, в сущности, думал, что у каждого человека есть своя личная истина. Но этим ставилась все та же проблема сообщаемости. Возможно ли сообщение между людьми на почве истины откровения, или это сообщение возможно лишь на почве истин разума, приспособленных

к объединенности, на почве того, что Л. Шестов вслед за Достоевским называл «всемством»?

До последних дней жизни Льва Шестова у него было горение мысли, взволнованность и напряженность. Он явил победу духа над немощью тела. Быть может лучшие его книги, «Киркегард и экзистенциальная философия» и «Афины и Иерусалим, опыт религиозной философии», написаны им в последний период его жизни. Сейчас не время критиковать философию моего старого друга Льва Шестова. Одно лишь хотел бы я сказать. Я очень сочувствую проблематике Льва Шестова и мне близок мотив его борьбы против власти «общего» над человеческой жизнью. Но я всегда расходился с ним в оценке познания, не в нем вижу я источник тяготеющей над нашей жизнью необходимости. Только экзистенциальная философия может объяснить, в чем тут дело. Книги Л. Шестова помогают дать ответ на основной вопрос человеческого существования, в них есть экзистенциальная значительность.

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

Памяти Л. И. Шестова

В ноябре мес<яце> прошлого года в Париже скончался Лев Исакович Шестов — один из выдающихся русских писателей и мыслителей. Его имя было широко известно — его читали, им интересовались не только те, кому близки религиозно-философские проблемы, которым было посвящено все творчество Шестова, — но и те, кому эти проблемы были совершенно чужды. Отчасти это было связано с тем, что в первый период творчества Шестов много писал по вопросам литературы (книги о Брандесе как критике, о Ницше, Толстом, Достоевском, замечательный этюд о Чехове и т. д.), — но еще больше это определялось своеобразной писательской манерой Шестова. Его стиль соединял в себе прозрачную ясность мысли с исключительной легкостью и простотой изложения; короткие периоды в духе афоризмов Ницше не загромаждают внимания читателя, а, наоборот, возбуждают его. Шестов писал превосходным русским языком, часто в каком-то особенном насмешливом тоне, но вместе с тем задевающим глубокие чувства у читателей. Глубокой правдивостью, честностью мысли всегда веет от его книг, — но, быть может, самый главный источник живой симпатии читателя к Шестову заключался в том, что читатель всегда остро чувствовал в его книгах, что за его писаниями стоит страстное искание безусловной и подлинной правды. Читатель не мог не чувствовать какой-то затаенной и мучительной духовной